

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

A. Carstairs-McCarthy. The evolution of morphology. Oxford: Oxford university press, 2010. 253 p. (Studies in the evolution of language 14)

Книга Эндрю Карстейрса-Маккарти вышла в серии, посвященной происхождению языка. Но, хотя в книге имеется немало рассуждений о том, как разговаривали первобытные люди, соображения эволюции оказываются в большой степени лишь поводом для того, чтобы взглянуть на современное состояние человеческого языка и попытаться понять, как те свойства языка, которые мы реально наблюдаем, могут существовать и воспроизводиться.

В центре теории Э. Карстейрса-Маккарти – понятие «прозрачности словаря», опирающееся на известный «принцип контраста», или принцип «избегания синонимии» (*synonymy avoidance*). Суть этого принципа в следующем: наш ум предрасположен считать, что любая языковая форма значит не то, что любая другая, отличная от нее языковая форма (с. 59). Эта предрасположенность была продемонстрирована на маленьких детях (см., например [Diesendruck, Markson 2001]), обезьянах и даже на собаке колли по имени Рико [Kaminski, Call, Fischer 2004; Bloom 2004], а значит, возникла задолго до человека и человеческого языка. Тем не менее взрослым людям постоянно приходится сталкиваться с тем, что та или иная языковая форма передает тот же смысл, что и некоторая другая. Например, англ. *dog* значит то же, что русск. *собака*. Слова *здравствуйте* и *привет* передают одно и то же значение – но в разных коммуникативных ситуациях. Показатель множественного числа *-и* в слове *плечи* имеет ровно тот же смысл, что и *-а* в слове *копыта*. Идея определенного способа перемещения может быть выражена и при помощи формы *бе-* (*бегу*), и при помощи формы *беж-* (*бежит*). Два последних случая, иногда объединяемые под общим названием алломорфии, удостоиваются особого внимания автора, в том числе и потому, что в большинстве существующих морфологических теорий эта проблема недооценивается.

Э. Карстейрс-Маккарти стремится создать теорию, которая бы объясняла не только возможность того, что возможно, но и невозможность того, что невозможно, в отличие от других теорий, способных объяснить возможность слишком многого, в том числе и того, чего в языке на самом деле не бывает.

В первой главе книги (*Design in language and design in biology*) автор ставит задачу своего исследования. На с. 5 формулируются три основных вопроса, касающиеся морфологии естественных языков. Во-первых, почему морфология вообще существует? Иными словами, почему у слов бывает внутренняя структура, которую невозможно описать теми же методами, что структуру предложения? Во-вторых, почему морфология имеет такие свойства, какие она имеет: откуда берутся различия между морфемой и алломорфом, аффиксом и корнем, словоизменением и словообразованием, агглютинацией и фузией, продуктивными и непродуктивными морфологическими процессами? И наконец, в-третьих, почему считается, что морфология теснее связана со словарем, чем синтаксис?

Вторая глава (*Why there is morphology: traditional accounts*) посвящена доказательству того, что морфология действительно существует и несводима к синтаксису. Это реакция на то, что среди англоязычных работ много таких, где делаются попытки распределить морфологические феномены между синтаксисом, фонологией и словарем, морфологию нередко рассматривают с исторической точки зрения как продукт распада более ранней системы, где были только фонология и синтаксис. И действительно, если грамматика нужна для того, чтобы семантические отношения между значащими единицами в высказывании были предсказуемы, то почему бы не обойтись одним синтаксисом?

Но, с другой стороны, если морфология представляет собой лишь досадное недоразумение или в лучшем случае побочный продукт эволюции, почему же тогда язык не стремится немедленно от нее избавиться? Почему в языке нет механизма, который бы не позволял словам превращаться в морфемы, блокировал бы развитие алломорфии, запрещал идиоматические приращения значения и т. д.? А такого механизма очевидным образом нет – иначе морфология в языках мира встречалась бы гораздо реже. Более того, морфология, как отмечает Э. Карстейрс-Маккарти, может накладывать свой отпечаток на регулярные фонетические соответствия при развитии языков (ср. [Бурлак, Старостин 2005: 201–202; Иткин 2007: 75–79]).

В третьей главе (*A cognitive-articulatory dilemma*) автор обращается к гипотезам о том времени, когда язык еще только зарождался, слова уже существовали, а синтаксиса еще не было. По его мнению, речь на этом этапе состояла все же не из отдельных слов, а из комбинаций слов, причем произносились эти комбинации достаточно бегло, без пауз между компонентами, а сами слова могли насчитывать по несколько слогов.

Могло ли быть, что возможность комбинировать сигналы уже была, сами сигналы были многосложными, но при этом комбинации более чем из двух слов не встречались? В принципе параллелью этому мог бы служить известный исследователям детской речи этап «двусловных высказываний» (следующий за этапом однословных высказываний и предшествующий этапу полных предложений; существенно при этом, что этапов «трехсловных», «четырёхсловных» или т. п. высказываний не существует, см., например, [Шинкер 2004: 256]), хотя сам автор такого сопоставления не принимает. Но могла ли такая речь быть беглой, не содержать уточняющих повторов (ни со стороны говорящего, ни со стороны адресата) – сказать трудно. При отсутствии правил синтаксиса ожидается скорее более низкий темп речи и большее количество уточняющих повторов. Между тем именно на беглости «первобытной» речи строится основная часть теории Э. Карстейрса-Маккарти: слова в потоке речи «обтrepывают края» друг об друга, и таким образом для выражения одного и того же значения появляется целый ряд различных форм (с краями, подвергшимися различным фонетическим изменениям и не подвергшимся никаким). С течением времени фонетическая обусловленность утрачивается, и на месте одного слова (состоявшего только из корня) возникает набор алломорфов, не имеющих фонетического распределения.

Алломорфия была устроена по-разному у разных типов слов. Поскольку в постулируемом Э. Карстейрсом-Маккарти протоязыке частей речи (ввиду отсутствия синтаксиса) не было, автору приходится вводить новые термины – «разборчивые» (*selective*) и «неразборчивые» (*unselective*) слова. Первые могли сочетаться лишь с узким кругом «неразборчивых» слов, чье значение по степени абстрактности приближалось к грамматическому, вторые – с многочисленными «разборчивыми» словами. Это разграничение похоже на разграничение между знаменательными и служебными словами.

«Неразборчивые» слова, подобно служебным словам в процессе грамматикализации, достаточно быстро теряют часть своего фонетического состава и в итоге, «грамматикализуясь» при различных «разборчивых» (= знаменательных) словах, могут превратиться в несколько совершенно различных фонетически, но при этом абсолютно синонимичных форм (похожим образом устроены, например, аффиксы множественного числа при разных типах основ). Напротив, «разборчивые» слова сохраняют большую часть своих фонем, что в итоге приводит к алломорфии, описываемой как «чередования (в корне)». Имеет ли это рассуждение какое-либо отношение к этапу протоязыка, проверить невозможно, но для того времени, когда язык уже стал таким, как сейчас (и, соответственно, для нынешнего времени тоже), оно вполне справедливо.

В этой же главе вводится еще одно важное понятие – «меню клишированных выражений» (*cliché pattern menu*; с. 77). Если некоторые «разборчивые» слова часто сочетались с несколькими разными «неразборчивыми», формировались наборы моделей, где «неразборчивые слова» образовывали своего рода ячейки, которые могли заполняться «разборчивыми» словами. По сути, получалась парадигма с «разборчивым» словом в роли основы и «неразборчивыми» словами в роли аффиксов. Термин «меню клишированных выражений» нужен автору для того, чтобы подчеркнуть, что процесс складывания парадигмы может происходить и до того, как начнется действие грамматикализации.

В четвертой главе (*Modes of synonymy avoidance*) рассматриваются случаи билингвизма и подобных ему явлений. Действительно, слова *dog* (англ.) и *chien* (франц.) обозначают одну и ту же внеязыковую сущность. Но настоящими синонимами они при этом все же не являются, поскольку ни в одном предложении замена одного слова на другое невозможна. Человек, пытающийся говорить на двух языках одновременно, в большей степени рискует по-

терпеть коммуникативную неудачу, чем тот, кто придерживается одного языка. Строго говоря, при языковых контактах, дошедших до степени всеобщего билингвизма, это предположение Э. Карстейрса-Маккарти часто не выполняется, но в качестве приближения его можно считать верным. Таким образом, знакомство людей с несколькими языками не нарушает основополагающего принципа избегания синонимии слова с одинаковым значением рассматриваются как представители нескольких разных, не смешивающихся между собой словарей. То же верно и для разных регистров внутри одного языка: слова «тещино» и обычного языка в Австралии или слова разных степеней вежливости в яванском могут иметь одно и то же значение, но ни в одном высказывании, произносимом в конкретной ситуации и обращенном к конкретному собеседнику, замена одного слова на другое невозможна.

При этом классификации, разбивающие доступный человеку запас слов на несколько разных словарей, могут быть любыми, в том числе и чисто историческими (т. е. для рассматриваемого момента произвольными), как, например, выделение среди французских слов, начинающихся с гласного звука, подмножества слов с *h aspiré*, не допускающих *liaison* с предшествующим словом.

Автор разделяет «парадигматический» и «синтагматический» аспекты избегания синонимии: первый связан с тем, что известные индивиду слова распределяются между несколькими словарями, второй – с тем, что выбор того или иного из «синонимов» в конкретном высказывании определяется контекстом (и тем самым замена одного из них на другой оказывается невозможной). Нам такое разделение представляется необязательным: в первом случае роль контекста играют другие слова того же языка или регистра, которые соседствуют в высказывании с выбираемым словом (за словом *read* более естественно поставить *a book*, а за словом *читать* – *книгу*, чем наоборот). Кроме того, для мозга, программирующего высказывание, роль контекста выполняют знания о ситуации и собеседнике, а нередко и программы артикуляции, различные для разных языков (например, когда говорящий, произнося звук *t*, прикасается кончиком языка к альвеолам, это мешает ему перейти с английского языка, например, на французский).

В пятой главе (The ancestors of affixes) рассматривается происхождение аффиксов. Основной источник аффиксальной алломорфии автор видит в переразложении: например, бывшие показатели основы могут стать частью окончаний. Э. Карстейрс-Маккарти задается вопросом о том, как человеческий ум справля-

ется с таким вопиющим нарушением принципа избегания синонимии. Но на самом деле, здесь, как и в предыдущем случае, полной синонимии нет: аффиксы с одинаковым значением либо распределены контекстно, в зависимости от фонетического окружения, либо входят в разные «словари» – «словарь» окончаний первого склонения, «словарь» окончаний второго склонения и т. п.

В шестой главе (The ancestors of stem alternants) автор размышляет о происхождении и механизмах воспроизведения звуковых чередований: ведь их существование противоречит склонности человека считать, что разные звуковые оболочки должны соответствовать разным смыслам. Эта глава представляется нам, пожалуй, наиболее интересной в книге. Остановимся на ней несколько подробнее.

Одним из основных «испытательных полигонов» для демонстрации разработанной им концепции Э. Карстейрса-Маккарти, опираясь, в частности, на работы замечательного английского исследователя романской глагольной морфологии Мартина Мейдена ([Maiden 1992] и др.), избирает правила распределения основ в итальянских глагольных парадигмах. На первый взгляд эти правила противоречат всякой логике: так, в одном из типов спряжения чередования в основе противопоставляют, с одной стороны, формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. индикатива и весь конъюнктив, кроме 1 и 2 л. мн. ч., а с другой – все прочие формы презенса.

Чрезвычайно существенно при этом, что, сколь бы замысловатым ни было подобное распределение, раз возникнув, оно принимается как данность и способно расширять сферу своего действия: например, на месте лат. *crescamus, crescatis* (1 и 2 л. мн. ч. конъюнктива) мы находим в итальянском *cresciamo, cresciate*, где палатализация может быть объяснена лишь стремлением распространить противопоставление двух подпарадигм на те глаголы, в которых его изначально не было. Более того: у глагола *andare* «идти» формы 1 и 2 л. мн. ч. презенса индикатива образованы от другой основы, чем остальные формы (*vado, vai, va, andiamo, andate, vanno*). Такое распределение полностью соответствует еще одной из моделей, представленных в итальянском спряжении. Э. Карстейрс-Маккарти называет рассматриваемое явление «фонетически обусловленным супплетивизмом» (основа *va-* представлена под ударением, основа *and-* – в безударном положении; с. 143), оговариваясь при этом: «...Можно ожидать, что любой дифференцирующий фактор, который может применяться к несупплетивным альтернантам, мо-

жет применяться и к супплетивным» (с. 144). Это утверждение, безусловно, справедливо, однако его трудно назвать по-настоящему новым. Тот факт, что распределение супплетивных алломорфов по формам парадигмы, несводимое к противопоставлению граммем (одна основа – в ед. ч., другая – во мн., одна основа в положительной степени прилагательного, другая – в сравнительной и т. д.), практически никогда не бывает произвольным, а соответствует распределению по тем же формам регулярно чередующихся алломорфов, хорошо известен, ср. [Maiden 2001; Иткин 2002; Corbett 2007]. Достаточно напомнить, что презентная подпарадигма французского глагола *aller* «идти» устроена полностью идентично *andare* при том, что сама безударная основа имеет иной вид (*all-*, а не *and-*).

Позволим себе привести менее известный, но чрезвычайно выразительный пример. В тохарском А языке в ряде классов презенса перед окончаниями, содержащими носовой согласный, выступает тематическая гласная (ТГ) *a*, а перед остальными окончаниями – ТГ *ä* (в большинстве случаев выпадающая). Эти ТГ обладают разными морфонологическими свойствами, что может создавать довольно причудливые соотношения между двумя основами презенса, ср., например, глагол *täm-* «рождаться»: 1 л. ед. ч. акт. *täms-a-m*, 3 л. мн. ч. мед. *täms-a-ntär*, но 3 л. ед. ч. акт. *tämnäṣ*, 3 л. ед. ч. мед. *tämnäštär* и т. д. У глагола «делать», относящегося к другому (!) классу презенса с ТГ *a* во всех формах, – супплетивные основы презенса *ur-* и *y-* тем не менее распределены в точном соответствии с тем же правилом, так что подпарадигма презенса имеет следующий вид:

актив		
	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	урам	урамäs
2 л.	yat	yac
3 л.	yaṣ	уреñc
медий		
	ед. ч.	мн. ч.
1 л.	урамär	урамtär
2 л.	yatär	(не засвидетельствована)
3 л.	yatär	уранtär

В результате анализа различных видов алломорфии, представленных у итальянских глаголов, автор приходит к исключительно изящному и убедительному правилу, представляющему все наблюдаемые факты в виде простой импликации, которая действительно может соответствовать некоторой психологической реальности:

«Если глагол в подпарадигме настоящего времени (презенса и конъюнктиве) имеет:

один вариант основы, то он принадлежит к типу I;

три варианта основы, ...

к типу IV;

два варианта основы, то

если только один из них может быть ударным, ...

к типу II;

если оба могут быть ударными, ...

к типу III»

(с. 151).

В других случаях предлагаемый автором подход работает значительно хуже. Это относится, в частности, к акцентным парадигмам русских существительных. При их анализе Э. Карстейрс-Маккарти также делает немало остроумных наблюдений, наиболее ценное из которых – опять-таки импликация «если ударение падает на основу в вин. п. ед. ч., ударение падает на основу в им. п. мн. ч.» (ср. *голова́* – *го́лову* – *го́ловы* при наличии множества парадигм вида *сова́* – *сову́* – *со́вы* и полной невозможности парадигм вида *сова́* – **сову́* – **совы́*) (с. 161). Однако общие правила, задающие реально встречающуюся у русских существительных подвижность ударения, автор оказывается вынужден формулировать следующим образом:

«(1) Если существительное имеет разноместное ударение в ед. ч., то оно имеет ударение на основе в вин. п., ударение на окончании – в остальных падежах.

(2) Если существительное имеет разноместное ударение во мн. ч., то оно имеет ударение на основе в им. п., ударение на окончании – в остальных падежах.

(3) Если существительное имеет разноместное ударение по иным правилам, чем указано в случаях (1) и (2), оно имеет ударение на основе в ед. ч. и ударение на окончании во мн. ч. или наоборот за исключением тех случаев, когда это противоречит правилу (1) или правилу (2)» (с. 159).

Как кажется, правило (3) довольно сложно даже понять; тем более невозможно поверить, чтобы им – в каком бы то ни было смысле – могли руководствоваться дети, выучивающие русский язык.

Подобно ряду других исследователей, Э. Карстейрс-Маккарти спорит с распространенным мнением, согласно которому главную роль в морфологии играют аффиксы, тогда как чередования в основе представляют собой не более чем сопутствующее явление. Заключение главы VI так и называется: «Summing-up: The importance of non-affixal morphology». На наш взгляд, такой подход неоправдан и обусловлен не вполне точным пониманием природы морфонологических явлений. Так, у глаголов типа *crescere*, о которых шла

речь выше, одна из основ представлена перед гласными *a* и *o*, другая – перед гласными *i* и *e*. Этот факт сразу бросается в глаза исследователю, существенно облегчает запоминание форм итальянского глагола иностранцу и едва ли может оставаться не замеченным самими носителями языка. Тем не менее Э. Карстейрс-Маккарти отрицает какую-либо его значимость, основываясь, во-первых, на том, что в других случаях, в частности, в формах 2 л. ед. ч. глаголов типа *pescare* (*peschi* и т. д.), чередования перед *i* не происходит, во-вторых, на том, что соотношение, например, основ глагола *morire* – *muoi* – перед *a* и *o*, *muor* – *mor* – перед *i* и *e* – с синхронной точки зрения нельзя рассматривать как палатализацию (с. 149). Оба эти аргумента не выдерживают критики. Ситуация, когда сходные или материально тождественные суффиксы – или даже одни и те же суффиксы при разных классах основ – проявляют разные свойства, для языков с развитой морфонологией представляет собой абсолютную норму. Так, в русском языке один и тот же суффикс императива *-и* требует от одной и той же основы *волох* перехода *к* в *ч* в глаголе II спряжения *волочить* и не требует его в атематическом глаголе *волочь*: *волочи*, но *волохи*, ср. [Иткин 2007: 101]. Недооценка этого обстоятельства приводит Э. Карстейрса-Маккарти к совсем уж удивительной интерпретации польских форм звательного падежа: согласно ему, не показатель вокатива *e* вызывает палатализацию конечного согласного основы, а те лексемы, которые, так сказать, «по природе» обладают двумя основами (!), выбирают в качестве вокативного суффикса *-e*, а не несмягчающее *-и* (с. 183 и сл.). Что касается «палатализации *i* в *r*», то вполне очевидно, что термин «палатализация» – не более чем ярлык, отражающий факт чередования одних звуков с другими в определенных формах, но не накладывающий никаких ограничений на то, какими могут быть исходные и производные члены этого чередования. Завершая свой анализ глаголов типа *crescere*, автор провозглашает: «So it really is morphology that is in operation here, not phonology» (с. 149). Однако дилемма, задаваемая этой фразой, – не более чем мираж: «in operation» в подобных случаях выступает морфонология, которая как раз и представляет собой результат совместного действия морфологических и фонологических факторов.

Основываясь на данных итальянского, русского, польского, кушитского языка дасенеч и др., Э. Карстейрс-Маккарти предсказывает невозможность такого языка, где бы у половины глаголов противопоставлялись всем прочим формы 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., а у половины – 2 л. ед. ч. и 2 л. мн. ч. или т. п. (хотя с точки зрения, скажем, «сетевой морфологии» соответствующий алгоритм порождения вполне можно построить). Подмножества, на которые корневые

чередования делят парадигму, могут в разных словоизменительных классах вкладываться друг в друга, но не могут пересекаться, – этот принцип, названный автором «принцип неразмытости» (по *blur principle*; с. 190), создает основу для «прозрачности словаря». Безусловно, как безысключительное правило, регулирующее структуру парадигм в языках мира, этот принцип «слишком хорош (для исследователей), чтобы быть правдой», и представляется нам чересчур сильным. Тем не менее во многих случаях отрицать его действие – хотя бы в виде тенденции – невозможно.

В седьмой главе (*Derivation, compounding, and lexical storage*) рассматривается словообразование и в особенности словосложение. Его отличие от словоизменения состоит лишь в том, что оба соединяемых слова относятся к числу знаменательных (в досинтаксический период «разборчивых»). Слово, образованное при помощи словосложения, даже образуя устойчивые сочетания со многими другими словами, едва ли могло бы войти в «меню клишированных выражений» (т. е. в парадигму).

Такой подход позволяет дать объяснение непродуктивности морфологических моделей: если два неэлементарных понятия образовывались независимо, сходные смыслы в их составе могут кодироваться разными формами, и унификации не происходит, поскольку если для некоторого понятия то или иное клише уже закрепилось, то все другие возможные способы выражения этого понятия оказываются заблокированы вследствие принципа избегания синонимии.

Автор полагает, что если в языке имеются два слова, образованные от одного корня при помощи разных, но синонимичных моделей, то они всегда бывают распределены: каждый носитель языка либо употребляет только одно из этих слов, либо приписывает им несколько различающихся значения. Однако и это утверждение представляется слишком категоричным: существует немало случаев, когда одни и те же носители употребляют разные формы примерно с одинаковой вероятностью, – в частности, таким путем обычно происходит замена одной из форм на другую.

В этой же главе автор обращается к вопросу о соотношении между формами, которые хранятся в памяти как отдельные цельные единицы, и формами, которые порождаются непосредственно в момент речи. Как отдельные единицы мозг может хранить и отдельные формы, типа англ. *took*, и целые предложения, типа *Который час?* К этому можно добавить, что, наоборот, существуют и слова, которые порождаются в момент речи, – таковы многочисленные полисуффиксальные формы в агглютинативных языках (типа др.-яп. *tasukas* → *rar* → *dazaru* → *bakarisika*ба «если бы его

не должны были заставлять помогать», где за корнем *масукэ*- следуют показатели каузатива *-сасэ*-, пассива *-рарэ*-, отрицания *-дзару*-, долженствования *-бэкари*- и условности *-сикаба*), а также слова-предложения инкорпорирующих языков. Тем не менее идиоматические приращения значения обычно ассоциируются со словами, а не с предложениями. В качестве вероятной причины такой ситуации Э. Карстейрс-Маккарти называет то, что во времена протоязыка, состоявшего из двусловных высказываний (это тот этап, когда, по Карстейрсу, возникали неэлементарные слова), синтаксиса еще не было -- он возник позже и освободил мозг от необходимости искать за каждым сочетанием слов смысл, не сводимый к сумме их значений. Более правдоподобным, однако, представляется другое объяснение: если какое-то сочетание элементов формы, обладающее каким-то смыслом, встречается достаточно часто, оно распознается очень быстро (что можно рассматривать как хранение в качестве отдельной цельной единицы), поскольку соответствующий нейронный ансамбль активировался как единое целое столько раз, что теперь эта активация происходит автоматически (и блокирует другие возможные активации). Если же какое-то сочетание элементов формы встречается редко, своего сразу активируемого нейронного ансамбля у него сформироваться не может и оно будет распознаваться покомпонентно. Наличие у частей этого сочетания самостоятельных ударений и любых других признаков слова, видимо, менее важно, чем их совместная встречаемость.

В восьмой главе (Morphological homonymy and morphological meaning) автор обращается к омонимии. Омонимия в языках встречается достаточно часто, особенно среди словоизменяемых морфем, и, видимо, врожденной предрасположенности избегать ее (в отличие от синонимии) не существует -- хотя, казалось бы, идея взаимно-однозначного соответствия между формой и значением должна этому препятствовать. Кроме того, в этой главе обсуждается природа морфологических значений, а также критически оценивается метод их описания посредством бинарных признаков.

В девятой главе (Conclusions) подводятся итоги исследования и формулируются основные результаты работы.

Книга написана ярким, неакадемичным языком. Сложность ее восприятия, определяемую отчасти особенностями авторского стиля, отчасти сложностью и многообразием затрагиваемых новозеландским исследователем вопросов, в значительной мере позволяют преодолеть превосходно составленные указатели.

В целом можно сказать, что рецензируемая монография вполне подтверждает репутацию Э. Карстейрса-Маккарти как одного из ве-

дущих специалистов в области морфологии и общей теории языка. Большинство проблем, которым посвящена книга, обсуждается всесторонне и на очень высоком уровне. Подкупает стремление автора искать содержательную интерпретацию даже для самых сложных и с трудом укладывающихся в его концепцию явлений -- не случайно Э. Карстейрс-Маккарти говорит о недостаточной объяснительной силе «traditional explanations in terms of 'proportional analogy' or 'levelling'» (с. 152). Спорность многих выдвигаемых в книге положений ни в коем случае нельзя назвать недостатком -- напротив, она стимулирует дальнейший прогресс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурлак, Старостин 2005 -- С.А. Бурлак, С.А. Старостин. Сравнительно-историческое языкознание. М., 2005.
- Иткин 2002 -- И.Б. Иткин. К типологии супплетивных парадигм // Доклад на III Зимней типологической школе (Международной школе по лингвистической типологии и антропологии), Московская область, 29 января - 6 февраля 2002 г.
- Иткин 2007 -- И.Б. Иткин. Русская морфонология. М., 2007.
- Пинкер 2004 -- С. Пинкер. Язык как инстинкт. М., 2004.
- Bloom 2004 -- P. Bloom. Can a dog learn a word? // Science. 2004. V. 304. Issue 5677.
- Corbett 2007 -- G. Corbett. Canonical typology, suppletion and possible words // Language. 2007. V. 83.
- Diesendruck, Markson 2001 -- G. Diesendruck, L. Markson. Children's avoidance of lexical overlap: A pragmatic account // Developmental psychology. 2001. V. 37. Issue 5.
- Kaminski, Call, Fischer 2004 -- J. Kaminski, J. Call, J. Fischer. Word learning in a domestic dog: Evidence for «fast mapping» // Science. 2004. V. 304. Issue 5677.
- Maiden 1992 -- M. Maiden. Irregularity as a determinant of morphological change // Journal of linguistics. 1992. V. 28.
- Maiden 2001 -- M. Maiden. Sound change, morphemic structure and the rise of suppletion in the Romance verb // Paper presented at the Surrey linguistic circle. University of Surrey. 2001.

С.А. Бурлак, И.Б. Иткин

Сведения об авторах:

Светлана Анатольевна Бурлак
Илья Борисович Иткин
Институт востоковедения РАН
isv@iol.ru